

поспевал следить за страстной речью автора, обращенной как бы ко мне лично, только ко мне одному. И я мог только соглашаться с автором или возражать и спорить с ним по ходу взрывного развития действия романа. С космических высот бросает он меня в глушь сибирской тайги, уносит в далекие уже годы коллективизации и раскулачивания, тащит меня в литературные круги, в спорные свои отношения с коллегами по перу; выносит вдруг на истрадавшуюся вьетнамскую землю времен американской агрессии; уводит в раздумья о природе человека и человечества; беспощадно бьет подлечов, оберегая ранимую доброту души; восхищается решительностью Коломейцева, этого современного делового человека, прошедшего войну, — и опять приводит на реку, к несчастным в своем позднем счастье, любящим друг друга горбату Кеше и Кале. И вдруг предприимчивый менеджер врывается в повествование, с помощью которого автор хирургически точно вскрывает вены американского «рая» — ревущие глотки доведенных до экстаза людей. А еще раньше встреча американских школьников, изучающих русский язык, и советских — изучающих английский. Вырванные из гуши жизни типы, характеры... Вагон метро, надменный взгляд циника, и тут же опять тайга, кедр, тишина, прибаутки старика балагура. Река перед страшными гремящими порогами, разбитый плот — все, что осталось от погибшей туристской экспедиции: кричащий транзисторный приемник, чудом уцелевший на этом плоту. Чили! Президент Альенде в своем кабинете, трагически напряженное ин-

шу читателя с каждой страницей романа, пробуждая гражданские чувства.

Каскад мыслей, чувств, положений, глубоких и страстных раздумий — все это рушится на меня; и я не узнаю себя, читая этот странный, ни на что не похожий, растрепанный, но и крепко сбитый, хорошо обдуманный роман. Я, искушенный, в общем-то, читатель, ловил себя на том, что перелистывая страницы, пытался заглянуть как бы в завтрашний день и поскорее узнать, чем же кончится та или иная сцена, кто выйдет победителем, кто погиб, а кто остался жить. И радовался, если люди, к которым уже привык и с которыми сжился, выходили победителями.

Автор с такой страстью отстаивал свои идеалы, с такой жестокостью дрался с негодями, что я вышел из этого романа ошеломленный, будто сам принимал участие в драке.

Закончив чтение, пытаюсь осмыслить, что же произошло, и привести в порядок свои чувства. А сделать это нелегко.

Об эстетическом наслаждении, как я понимаю, не может быть и речи. Вряд ли автор сам ставил перед собой эту задачу. Произошло что-то другое. Что именно — мне пока трудно выразить словами. С растревоженной душой я вышел из романа Евгения Евтушенко, точно он именно меня бросил в утлую лодочку и пустил в бурно-пенные водовороты гибельных речных перекатов, и я, чудом спасенный, с новой силой радуюсь теперь жизни. Солнышко над головой, сухой песок под ногами, рядом пенно-черная стремнина реки, отразившая в себе мрак нависающих

Курагин, прожженный циник и мерзавец, убить которого на дуэли — наслаждение... Но с другой стороны — это решительный, мужественный и знающий свою цель в жизни человек. Это, если хотите, и Андрей Болконский, с его думами о России, с его храбростью и спокойствием в минуты смертельной опасности.

Сказав о его опьяняющей страсти, я невольно вспомнил знаменитую нашу поговорку: «Пьяному море по колено»... Да, действительно, ему все ни почем, если впереди у него высшая цель жизни, к которой он стремится, не считаясь с возможными потерями, со страданиями и риском, которым он подвергает подчиненных ему людей: лишь бы дойти до цели, лишь бы победить в вечном стремлении, каковым является вся его жизнь, которую он, кстати, тоже не щадит, вызывая наше восхищение... Да, все так! Это тот самый человек, который снится нашей критике, это герой, увлеченный своей работой и презирующий всякие трудности... Но знаменитая поговорка, которую мы часто употребляем с одобрительной усмешкой, имеет свою концовку. То ли из скромности, то ли от несогласия с ней мы обрубали ее, будто она не улеглась в прокрустово ложе нашей житейской мудрости. А звучит она так: «Пьяному море по колено, а лужа по уши».

«Без героизма жизнь сведется к быту», — говорит Коломейцев. Читатель, восхищенный его мужеством и героическим началом, невольно поддается Коломейцеву, ослепляющему его этой блестяще высказанной мыслью. Мне кажется, что и сам автор, влюбленный в избранного своего героя, несколько ослеплен его, так сказать, «болконским» началом и не особенно спорит с началом «курагинским»... Обыденность жизни словно бы претит самому автору, как и его герою.

Напрягается тут цитата из книги В. Вересаева «Живая жизнь», на размышления из которой я и опираюсь, говоря о Курагине и Болконском: «Оголение и уплощение таинственной, глубокой «живой жизни» потрясает здесь душу почти мистическим ужасом. Подошел к жизни поганый «древний зверь», — и вот жизнь стала так проста, так анатомически-осызаема. С девушки воздушно-светлой, как утренняя греза, на наших глазах как будто спадают одежды, она — уж просто тело, просто женское мясо. Взгляд зверя говорит ей: «да, ты женщина, которая может принадлежать каждому и мне тоже», — и тянет ее к себе, и радостную утреннюю грезу превращает — в бурную кобылку». Так В. Вересаев оценивает отношение Курагина к Наталье Ростовской.

Не так ли поступает и Коломейцев с многими, многими женщинами, через которых он переступает, не мучась совестью, словно для него они тоже всего лишь навсего «женское мясо»?

Прикоснувшись к живой жизни, он словно бы тонет по уши в грязной луже своей чувственной необузданности.

И еще из В. Вересаева: «Но для Толстого любовь человека — нечто неизмеримо высшее, чем такая кобылиная любовь. И при напоминающем свете этой высшей любви «прекрасный и свободный зверь» в человеке, как мы это видели на Нехлюдове, принимает у Толстого форму грязного, поганого гада».

Но что-то я не заметил в романе «Ягодные места», чтобы был посрамлен этот «прекрасный и свободный зверь», живущий в мужественном и целеустремленном, избранном герое Евгения Евтушенко. Сомнения порой и мелькнули в сознании Коломейцева — раскаяния нет. Весь его героизм, вся его самоотверженность во имя общего дела летят к черту, как только подумает о курагинском его начале.

Евгений Евтушенко тут реалист. Он выхватил этот тип из нашей жизни, вынес его на обозрение со всеми достоинствами и душевными изъянами. Он дорог ему, этот странный человек, хотя автор сам понимает, как отвратительны его поступки, когда дело касается так называемого быта. Но не решает лишить своего героя ореола славы и мужественной силы, устраивая экзекуцию над мелким и ничтожным «ягодным уполномоченным», который тоже, подобно Коломейцеву, растоптал когда-то, во времена раскулачивания, душу девушки, отдавшей ему, правда, с корыстными целями, — как представитель власти, — надеясь на снисходительность его к ее семейству.

Эта параллель в романе страшна по своей сути. Но «ягодный уполномоченный» и без того уж ничтожен в нем, пробудком своим пьянством и душевной неряшливостью. Чего уж его казнить!

Руку надо поднимать на «прекрасного и свободного зверя», ослепляющего людей своей жутковатой двуличностью. Если уж бороться за Человека, то и дело надо иметь с Человеком, а не с духовным ублюдком, который и так уж казнил себя всем поведением своей жизни.

ВОТ ТАКИЕ мысли и чувства вызвал во мне только что прочитанный и еще горячий роман Евгения Евтушенко «Ягодные места».

Георгий СЕМЕНОВ

ПРОЗА ПОЭТА

О романе Евг. Евтушенко «Ягодные места»

тервью американскому журналисту. «...Из подлого искусства разведения людей политика должна, наконец, стать искусством соединения» — его слова. Медведица, убивающая подонка, мстя человеку за убитого детеныша. Что же дальше?! А дальше пороги, траурные камни, окруженные белыми гривами пены, разбитые лодки, спасенные люди... Неумолимый Коломейцев, держащий в руках найденный наконец-то касситерит.

«...Так где вы откололи этот кусок касситерита?» — спрашивает он, будто ничего не произошло в мире.

Но опять уношусь в глубину лет, в старую Калугу, в которой живет гениальный чудак Циолковский. И снова космическая тема...

ДИАЛОГИ, диалоги... Нестим числа! Но диалоги ли это? Не звучащие ли это мысли автора? Роман монолитен с начала и до конца. Это роман-размышление и, как верно заметил Валентин Распутин, «агитационный роман в лучшем смысле этого слова». Именно так! Поэт Евгений Евтушенко остался верен себе и, используя для своей художественской сверхзадачи романную форму, наделил действующих в нем лиц своими мыслями, чувствами, сомнениями и страданиями, концентрируя внимание читателя на главной идее — люди должны жить в мире и сообща бороться с пошлостью и всякой душевной и физической гнилью, драться с несправедливостью и не щадить живота в боях за идеалы социального преобразования мира. Многоголосый этот призыв рвется в ду-

скал. Но все это теперь рядом, а не во мне, хотя и бушуют страсти, взвихренные воображением.

Что же дальше?

Автор оставил тебе образ гармоничного мира, где в муках и страданиях добро побеждает зло. Ведь гармония в том-то и состоит, чтобы в тебе клотали страсти тьмы, покоренные разумом света. В христианском раю нет тьмы, а, значит, нет и гармонии. Так уж устроен мир. Эпилог, вынесенный автором в начало романа, пролог — завершающий роман. Прихоть каприза это или обдуманное, прочувствованное решение? Думаю, что три ипостаси времени — будущее, настоящее и прошлое — вели автора в трудной его работе к такому решению: «Что без корня, все погнивает».

Я, живущий среди людей, наслаждающийся красотой и бурями жизни, и мои корни, питающие меня. Я, оторванный от корней, погибаю, меня съедает червь... Я, красующийся на древе жизни, легко могу обмануть Его, Тебя, Их — могу обмануть самого себя, если забуду о корнях. Но мне никогда не удастся, как бы я ни хотел, обмануть корни, ветвящиеся глубоко в земле. Я погибну, если вздумаю сделать это. Нельзя же обмануть могилы предков.

Так или примерно так выходит Евгений Евтушенко в своем романе к поиску корней, делая это обожненно и яростно. Но не для того ему нужны эти корни, чтобы излечиться и снова нежиться под солнышком, нет. Он до какой-то умопомрачительной маниакальности хочет быть простым парнем из города Зима, о котором земляки сказали бы, что вот, дескать, и у нас есть тоже свой поэт, написавший песню «Хотят ли русские войны».

В романе «Ягодные места» много чувственной, жизненной страсти. И вот тут-то я должен сказать, что не совсем согласен с Валентином Распутиным, утверждающим, что в романе нет главного героя. Впрочем, может быть, главное-то и в самом деле нет, а есть, так сказать, избранный автором герой, пронизывающий своим зримым и незримым присутствием все страницы романа.

Это Коломейцев Виктор Петрович, начальник геолого-разведочного отряда, современный деловой человек, опьяненный пламенной страстью отыскать месторождение касситерита. Евгений Евтушенко сумел по-своему решить этот образ, создав на страницах романа еще одну, так сказать, горячую точку планеты. Простота и ужасы в своей зеринной простоте его отношения к людям, и особенно к женщинам. Это, если обратиться к классической литературе, современный Анатолий

ЧИТАТЬ роман Евг. Евтушенко непросто. Трудно сразу принять его правила и подчиниться им, и я, как могу, сопротивляюсь, ревностно отыскивая в тексте стилистические грешки или ляпы. Ага, так-так! Зеркальце заднего вида в кабине грузовика, а оно ведь в отличие от легкой машины только на крыльях грузовиков, думаю я, довольный своей наблюдательностью. Да, сибиряки «чокают», конечно, но зачем же это делать с такой магнитофонной старательностью?

Читал я, читал и незаметно для самого себя нечаянно забыл обо всем, будто все эти мелочи унесло ветром времени, властно подувшим вдруг со страниц романа... Услышал я за этой несколько шаржированной, игривой манерой авторского письма, точно он ляснул точил, шум тайги, пригляделся к мудрому и хитроватому «старичку-грибничку», к самодовольному «ягодному уполномоченному», зажавшему в коленях бутылку с «эссенцией», к «геологическому парню», к шоферу, взявшему на борт своего грузовика уже знакомую мне Ксюту...

Ах, вот оно как обернулось! Случайная встреча с геологом Коломейцевым Виктором Петровичем, увидевшем ее купающейся в реке, случайный разговор о скошенных цветах, написанный, кстати, с блеском, закончившийся многозначительной, хотя и между прочим сказанной фразой: «Что без корня, все погнивает». А потом гроза, вывалившаяся из-за гор, ливень, таежное безлюдье, стожок сена. А теперь вот ребенок на руках. А Коломейцев — женатый человек, на два с лишним десятилетия старше наивной Ксюты, засидевшейся в девках под строгим надзором отца. Ищи теперь ветра в поле!

Настроился на лирический лад, задумался... А что отец? Как он встретит дочь, изгнанную в гнев из дома?

И вот уже покорен я автором! Ах, какой хороший этот Иван Кузьмич! Радостно до слез за бедняжку Ксюту. Вот ведь как хорошо! Сколько доброты в суровом этом старике, потерявшем жену и привязавшемся к единственной дочери. Ну, конечно же, он не мог поступить иначе при виде крохотного внука.

Что же дальше? А дальше... Лирический мой настрой бесследно исчез, взорванный авторской нетерпеливостью. Подчиняясь прихотливому течению романа, похожому то на тихую журчащую речушку, то на могучую реку с гибельными порогами, то на выжженную огнем войны пустыню, я еле

Евгений Евтушенко. «Ягодные места». Роман. Журнал «Москва», №№ 10, 11, 1981.